

Пятнадцать лет назад, когда Фан Хуаньтянь привел в Крепость семьи Фан грязного, дурно пахнущего мальчишку, юная Фан Мэн с восторгом крутилась вокруг него, своим сладким голоском раз за разом выкрикивая: «Старший брат-ученик!»

Бедная девочка и не подозревала, что с самой первой встречи он отвел ей роль важной пешки в своем плане мести. Однако за пятнадцать лет бок о бок каждая мелочь, связанная с этой девушкой, вплелась в его жизнь. Как бы ни было черство сердце Фан Юньсюаня, в конце концов, он был обычным человеком из плоти и крови.

— Старший брат... — Фан Мэн плакала, не в силах вымолвить ни слова. Она слегка приподнялась и, схватив руку Фан Юньсюаня, приложила её к своему животу. — Ребенок... наш ребенок... что нам делать?

Фан Юньсюань вздрогнул. Его словно обожгло, он отдернул руку и, широко открыв глаза, вперился в живот Фан Мэн.

Вокруг поднялись крики удивления, зазвучали проклятия. Гун Цюйчэнь закусил губу и, разъяренный, схватил стоявшего рядом человека, собираясь нанести удар ладонью прямо по его темени.

Но тут люди почувствовали, как над головами мелькнула темная тень. Гун Цюйчэнь не успел нанести удар: встречный порыв ветра от ладони вошедшего отшвырнул его на полчжана. Врезавшись в стол, он в изнеможении выплюнул кровь.

Когда люди увидели, кто перед ними, раздались восторженные возгласы.

Лань Чжуй, чье лицо исказила ярость, одной рукой придерживал человека, спасенного из рук Гун Цюйчэня, но глаза его были прикованы к Фан Юньсюаню. Только небо знает, сколько сил ему стоило стоять за дверью и дослушать их разговор до конца. Он не мог поверить своим ушам: человек, который еще прошлой ночью нежился в его объятиях до самого рассвета, пришел сюда ради мести!

Фан Юньсюань, уже оправившись от удивления, одарил его ослепительной улыбкой и заговорил непринужденно:

— Я слишком недооценил тебя. Моей ошибкой было думать, что одна таблетка заставит тебя проспать до рассвета.

Глаза Лань Чжуй, казалось, готовы были извергнуть пламя, но он всё ещё лелеял крохотную надежду:

— Всё... всё, что было между нами — всё это лишь ради мести?

— А разве нет? — он тихо рассмеялся. — Мой благородный тринадцатый князь, ты с рождения

не знал тягот простых людей. Небеса уже давно решили всё за нас: тебе и мне не суждено сосуществовать.

Лань Чжуй скрежетал зубами от ненависти. Унижение от того, что его использовал и обманул самый дорогой человек, лишило его рассудка. Сверкнув силуэтом — так быстро, что никто не успел даже моргнуть — он оказался прямо перед Фан Юньсюанем.

Долго глядя в это изумленное лицо, он всё больше терял контроль над собой, желая лишь вжать его в свои объятия. Он, Янь Лань Тринадцатый, прожил на этом свете двадцать с лишним лет и впервые познал вкус любви и ненависти, вьёвшихся в кости.

Не успев опомниться, он выхватил Клинок Разрывающего Пустоту. Рана, пролегла от левого плеча до правой стороны живота, распорол свадебный наряд Фан Юньсюаня, а сердце самого Лань Чжуя в этот миг оказалось разорвано надвое.

Гун Цюйчэнь и Фан Мэн вскрикнули в один голос и бросились вперед, подхватывая отступающего Фан Юньсюаня. Окружавшие зал люди в черном обнажили клинки, готовясь к решающей битве.

Лань Чжуй отвернулся, не желая видеть страдальческое выражение на его лице. Кровь на лезвии Клинка Разрывающего Пустоту каплями стекала на пол. Тот красный иероглиф двойного счастья на стене, казалось, насмеялся над его глупостью. Лань Чжуй заговорил, голос его был холодным как лед:

— Убирайтесь! Этот удар оборвал нашу связь. Всё, что было в прошлом, пусть останется лишь сном о Нанькэ. Если встретимся снова — мы не будем знакомыми, мы будем врагами!

Фан Юньсюань смотрел на рану у себя на груди. Руки Гун Цюйчэня и Фан Мэн, пытавшиеся закрыть порез, не могли остановить поток крови. По идее, ему должно быть очень больно, но он чувствовал лишь онемение. Ему хотелось улыбнуться, но в груди будто застрял ком, не дающий дышать.

Разве есть о чем жалеть? Такой финал был предсказан уже давно...

Связь оборвана, долг исчерпан.

Если встретимся снова — мы не будем знакомыми, мы будем врагами...

Это было предрешиено с самого начала: нам суждено стать врагами. Почему же я не смог удержать свое сердце и потянулся к тебе?

В конечном итоге, я погубил даже самого себя.

— ...Так будет лучше... — стоило ему открыть рот, как хлынула кровь. — Теперь... я больше ничего тебе не должен...

Он подал знак Ся Чуцзю. Пока окружающие, ослепленные дымовой завесой, брошенной Ся Чуцзю, не могли открыть глаза, он схватил Фан Мэн за руку и исчез в густом тумане.

Окутанный облаками и туманами Лес Священного Дерева был, как всегда, безмятежен. Служанки вносили и выносили тазы с водой из покоев главы: чистая теплая вода входила в комнату, а выходила, окрашенная в багрянец.

Гун Цюйчэнь, которого Ся Чуцзю не пускал за порог, метался туда-сюда, словно муравей на раскаленной сковороде, а на лбу его выступил холодный пот.

Удар Лань Чжуя оказался тяжелым. Фан Юньсюань впал в полубессознательное состояние сразу после выхода из Крепости семьи Фан, и кровь из его раны пропитала одежду Ся Чуцзю и самого Гун Цюйчэня, когда они несли его обратно.

Вспомнив о Лань Чжуе, он с яростью ударил в стену. План был безупречен, Фан Хуаньтянь в этот миг должен был лежать мертвым под клинком Юньсюаня, но кто мог знать, что на полпути появится этот невыносимый тип!

Он знал, что Фан Юньсюань целый месяц жил уединенно вместе с Лань Чжуем, чтобы с помощью его внутренней энергии быстрее освоить технику Рука, Хватающая Дракона, но не знал, что между ними произошло. Однако взгляд, которым Юньсюань смотрел на Лань Чжуя, вызывал у него тревогу: в этом взгляде было что-то похожее на нежелание расставаться, на привязанность...

— Цюйчэнь,ходи, — Ся Чуцзю отворил дверь и вытер пот со лба.

Гун Цюйчэнь просиял и бросился внутрь.

Фан Юньсюань лежал на кровати, невидящим взором уставившись в потолок. Его грудь была обмотана белой тканью, на которой не было видно следов крови. Лицо его было бледным, он медленно повернул голову и слабо улыбнулся человеку, который, не в силах сдержать волнение, тяжело опустился на край кровати.

Гун Цюйчэнь наконец выдохнул с облегчением, крепко сжав его руку.

Ся Чуцзю подошел к столу, убирая пузырьки и склянки с лекарствами, и, бросив взгляд на двоих на кровати, негромко произнес:

— Яд в твоём теле уже проник в легкие.

Фан Юньсюань с трудом приподнялся.

— ...Я знаю. Каждый раз, когда я начинаю циркулировать ци, чувствую в легких боль, будто от тысячи ножей.

Гун Цюйчэнь был потрясен:

— Какой яд? Когда ты успел отравиться?

Ся Чуцзю ответил:

— Князь Чулин десять лет готовил этот состав, смешивая десятки редчайших трав. Столь сильнодействующее средство обычно приводит к одной из двух крайностей. Внутренняя энергия главы действительно сильно возросла, но он стал жертвой ответного воздействия свойств этого препарата.

— Как снять яд?

— Мы даже не знаем исходного компонента, как же нам искать противоядие?

— Что за разговоры! Неужели мы позволим ему и дальше так существовать? — Хотя Гун Цюйчэнь не был мастером медицины, он понимал, что проникновение яда в легкие — это отнюдь не оптимистичный знак.

Ся Чуцзю достал медицинский трактат, открыл нужную страницу и указал на изображение растения:

— Эта трава называется Опьянение Бессмертного. Она может исцелить от ста видов ядов. Это сокровище, о котором мечтает любой лекарь, но мастера боевых искусств считают его опаснее змеи или скорпиона.

— Почему?

— В записях говорится, что Опьянение Бессмертного само по себе чрезвычайно ядовито и обладает мощнейшими свойствами. Тот, кто практикует боевые искусства, после его использования неизбежно лишится внутренней энергии, что равносильно добровольному отказу от мастерства.

Гун Цюйчэнь замер и притих. Он разозлился на самого себя: если бы он тогда не послушал его и не дал ему эту проклятую таблетку, он бы не отравился этим жутким ядом.

Фан Юньсюань произнес спокойным голосом:

— Нет. Кровная месть ещё не свершилась. Если я ради спасения жизни лишусь внутренней силы, разве наши старания не окажутся напрасными?

Ся Чуцзю закрыл книгу:

— Опыянение Бессмертного растет только в уединенных, экологически чистых местах. Я не встречал его даже в Сишуанцбаньне, а в этом беспокойном Чжунъюане найти его — всё равно что искать иголку в стоге сена.

— Чуцзю, ты столько наговорил, а выхода так и нет! — Гун Цюйчэнь опустил плечи и в растерянности посмотрел на Фан Юньсюаня. Тот нежно улыбнулся ему:

— Ничего страшного. Разве учитель не говорил: жизнь и смерть — по воле судьбы, богатство и знатность — по воле Небес. Может быть, ему там, на небесах, стало одиноко, и он хочет, чтобы я поскорее составил ему компанию.

Гун Цюйчэнь помрачнел:

— Тьфу! Если ему одиноко, пусть ищет Чуцзю, зачем ему ты?

Фан Юньсюань беспомощно улыбнулся и покачал головой:

— Ну что у тебя в голове, о чем ты только думаешь!

— Думаю о тебе, — Гун Цюйчэнь отвел взгляд. — Ты и сам всё прекрасно знаешь.

Фан Юньсюань перестал улыбаться и сменил тему:

— Где Фан Мэн?

— Я устроил её в комнате по соседству с Чуцзю.

— Как она?..

— Странно, но она ни кричит, ни бушует. Я заходил к ней несколько раз, она просто сидит на кровати, не шевелясь.

Как бы то ни было, сердце Фан Юньсюаня было полно вины перед ней. Девушка, полная надежд выйти замуж за любимого мужчину, получила взамен такой финал.

Это он разрушил всё её счастье.

— Ты смягчился?

— Я... я слишком многим перед ней в долгу.

— На самом деле, я даже немного завидую ей, — он повернул голову и посмотрел Юньсюаню в

глаза, в его улыбке сквозила горечь. — По крайней мере, она может оставить тебе ребенка. А я... если однажды я умру, не знаю даже, что заставит тебя вспомнить обо мне...

— Дурачок... — он хотел было обнять его, но рука замерла в воздухе. В памяти отчетливо всплыли черты лица Лань Чжуня, в груди заныло от глухой боли. Он похлопал его по плечу: — В моей жизни тебе никогда не нужны будут другие вещи, чтобы напомнить о себе. Никто и никогда не сможет заменить Гун Цюйчэня в сердце Жэнь Сяояо.

— Неважно, утешаешь ты меня или говоришь искренне, но этих слов мне достаточно, чтобы умереть с миром! — Гун Цюйчэнь тихо рассмеялся. — Как только ты отомстишь, я найду для тебя Опыление Бессмертного, даже если придется обойти весь мир.

Рана на груди пылала огнем, но эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что терзала сердце. Фан Юньсюаню казалось, что его душит невидимый ком. С трудом выбравшись из кровати, он при свете слабой свечи приоткрыл лакированную красную дверь. Чуцзю всегда был таким внимательным — он никогда не забывал оставить несколько свечей в этом месте, где годами не было солнечного света.

Песок в песочных часах почти весь пересыпался — должно быть, скоро рассвет. В полумраке зала ещё тлели угли, все спали, и было так тихо, что слышалось его собственное дыхание. День и ночь это место окутывала гнетущая, леденящая душу атмосфера.

Он слегка толкнул дверь — она не была заперта. Не потому что не боялись побега, а потому что ловушки Леса Священного Дерева для любого чужака всегда заканчивались смертью.

Он с некоторым удивлением обнаружил, что она всё ещё сидит на краю кровати, слегка опустив голову. Выражения её лица было не разглядеть. Она всё ещё была в своем праздничном красном наряде, который сейчас казался столь насмешливым.

Фан Юньсюань подошел к ней и замер, не произнося ни слова. Через некоторое время Фан Мэн медленно подняла голову. Её лицо было невозмутимо.

Она тихо позвала:

— Старший брат-ученик.

Фан Юньсюань вздрогнул и невольно отступил на шаг.

— Ты привез меня сюда, потому что я ношу твоего ребенка, верно? — спросила она спокойным, ровным голосом.

Он не стал отрицать и кивнул.

— Мне очень интересно, что бы ты сделал со мной, если бы ребенка не было?

Фан Юньсюань опустил голову, ничего не ответив.

— Если бы господин Лань не появился сегодня, твоя месть уже свершилась бы. Ты ненавидишь моего отца, хочешь убить его. А что насчет меня?

На самом деле, он и сам никогда не задавался этим вопросом. Возможно, потому что постоянно убегал от него. С того самого дня, как начался план, он предвидел, что в конце концов им придется стать чужими, но, как бы там ни было, он не мог поднять на неё руку.

— Моя... цель в жизни — месть. Из нас с твоим отцом выжить должен только один. Что касается тебя... — он намеренно сделал голос холодным, — я хочу, чтобы ты родила ребенка, а потом — хоть на край света, вольна идти куда пожелаешь.

Фан Мэн вдруг рассмеялась, её хрупкое тело мелко дрожало, а в больших глазах выступили слезы. Она, не отрываясь, смотрела в лицо человеку, которого любила всей душой, и осознавала, что тот, кого она знала пятнадцать лет, сейчас кажется ей совершенно чужим.

Она крепко закусила губу, упрямо не позволяя ни одной слезинке упасть.

— Хорошо... Я рожу ребенка, как ты того хочешь. А теперь немедленно покинь мою комнату. Я, Фан Мэн... во веки веков не хочу видеть тебя снова!

Фан Юньсюань дернул уголком рта, глядя на её гордое лицо, и медленно вышел за дверь.

Песочные часы уже перевернули. Рассвело, начался новый день. Фан Юньсюань проходил мимо каменной комнаты, где стояла поминальная табличка Тун Тяньцзы — вход туда был разрешен только им троим, ученикам одного учителя.

Изящная фигура в темно-зеленом с почтением стояла на коленях, возжигая благовония. Чуцзю всегда вставал первым и ложился последним. Утренние и вечерние молитвы здесь никогда не прерывались.

Фан Юньсюань медленно подошел к Ся Чуцзю и поморщился, потревожив рану.

— Даже владея величайшими боевыми искусствами, никто не может ослушаться зова Янь-вана. Все люди так устроены: всю жизнь бьются ради каких-то целей, а в конце остаются лишь грудой костей.

Ся Чуцзю открыл глаза и с нежностью посмотрел на табличку.

— Думаю... ценен лишь сам процесс борьбы, а не результат. Он получил всё, чего желал, и в этой жизни у него не осталось сожалений.

— Он не получил мою мать, — Юньсюань до сих пор помнил, как мать отзывалась о «нем» — как о вспыльчивом, вечно хмуром мальчишке.

— Нет, — Ся Чуцзю тихо рассмеялся. — В его сердце возможность быть рядом с любимым человеком не была главной. Если бы он действительно хотел этого, разве твой отец и мать смогли бы прожить те несколько лет в спокойствии, и разве появился бы ты?

— Ты, кажется, очень хорошо его знал.

Чуцзю на миг замер, словно потерявшись в мыслях.

— Когда ты дорожишь человеком, ты хочешь знать о нем всё. Спустя время ты начинаешь понимать, о чем он думает по одному его взгляду или движению.

Юньсюань посмотрел на него, ощущая горечь. С самого детства он редко проводил время с Чуцзю, но в его памяти тот никогда не менялся: послушный, тихий... он из кожи вон лез, чтобы показать себя с лучшей стороны и завоевать расположение любимого. Но тот человек редко улыбался ему — возможно, был холоден от природы, а может быть, его гордое сердце было заполнено другой женщиной.

— Чуцзю, ты еще молод, не стоит тратить всю свою жизнь, заточив себя в этом проклятом месте. Уходи. Иди на край света, ищи свою мечту.

Он улыбнулся и покачал головой, не отрывая взгляда от холодной таблички.

— Сяояо, тоска въелась в кости. Куда бы я ни шел, каждое воспоминание о проведенных с ним мгновениях будет отзываться в сердце.

Тоска въелась в кости... Фан Юньсюань горько усмехнулся: наверное, он последний человек в этом мире, кто имеет право говорить о тоске.

— Словно мотылек, летящий на огонь. — Он присел на корточки и взглянул на человека рядом: — Если бы он был жив, как долго ты собирался бы с ним мучиться?

— На самом деле... я всегда радовался, что он умер.

Фан Юньсюань удивился:

— Почему?

— Потому что у меня не хватило бы мужества... снова быть им отвергнутым...

Едва он договорил, как в дверях появился взволнованный Гун Цюйчэнь. Лицо его было белым, он с трудом подбирал слова, глядя на Фан Юньсюаня.

Фан Юньсюань поднялся, и, словно предчувствуя неладное, бросился вон.

В тот момент, когда открывшееся зрелище предстало перед его глазами, его ноги подкосились, и он с глухим стуком упал на холодный пол.

Окоченевшее тело Фан Мэн лежало на краю кровати. На шее отчетливо виднелся черно-фиолетовый след, похожий на отвратительную змею. Изящные черты лица были залиты свежей алой кровью, а в глазницах, казалось, зияла пустота.

Фан Юньсюань затаил дыхание. Его взгляд скользнул по красному наряду к её правой руке — та превратилась в кровавое месиво...

С болью в сердце он отвернулся, закусив губу до крови. В голове отчетливо звучали её последние слова:

«Во веки веков не хочу видеть тебя снова!»

Во веки веков... Неужели ты готова была даже на такое, лишь бы исполнить свою клятву?..

Разве он, первым предавший её ради своего эгоизма, имел право винить её в том, что она не сдержала обещания?

Ся Чуцзю опустился рядом, коснулся уже начавшей костенеть шеи и тяжело вздохнул.

Фан Юньсюань не помнил, как Гун Цюйчэнь вывел его из той комнаты. Когда разум прояснился, он осознал, что его лицо залито слезами.

Лес Священного Древа, окутанный туманами, всегда вызывал ложное чувство печали. Под единственным в лесу столетним деревом могила Тун Тяньцзы уже много лет стояла в одиночестве. Теперь у неё появился сосед.

После ливня воздух наполнился запахом влажной земли. Фан Юньсюань сидел на земле, прислонившись к дереву, не заботясь о том, что его белые одежды испачканы грязью.

Он сидел так всё утро, безмолвно глядя на небольшой земляной холмик. Внутри него покоилась женщина, занимавшая важное место в его жизни, и его нерожденный ребенок.

Каменная стела была пуста — он не знал, что на ней написать.

Возможно, само его появление на свет было лишь предвестником нового разрушения. Все, кто хоть как-то соприкасался с ним, не могли избежать этого проклятия.

— Вечно спать в этом Лесу Священного Дерева — на самом деле, это тоже счастье, — пробормотал он сам себе.

Подул ветерок, поднимая в воздух облака ивового пуха. Фан Юньсюань прищурился, его сознание затуманилось.

В туманных воспоминаниях юная девушка в лучах солнца махала ему рукой. Легкая ткань развевалась, словно крылья прекрасной бабочки.

И голос звал его:

«Старший брат-ученик... старший брат-ученик...»

Крепость семьи Фан, которая должна была утопать в радости, два дня пребывала в тяжелой, гнетущей атмосфере.

Красные фонари и иероглифы двойного счастья на стенах были сорваны, ученики крепости молча убирали следы торжества. Не успели прокричать петухи, как в главном зале уже собрались авторитетные люди мира боевых искусств. Все лица были мрачными, но никто не решался начать разговор первым.

Фан Хуаньтянь, ещё вчера блиставший энергией, теперь выглядел изможденным. Вспоминая о похищенной дочери, он за одну ночь поседел.

Кто-то наконец нарушил молчание:

— Полагаю, раз глава крепости Фан много лет назад совершил столь тяжкий грех, он больше не достоин занимать пост лидера альянса.

Словно выражая общую мысль, все присутствующие в зале закивали в знак согласия.

Юань Сюй из Эмэй был мертв, и среди людей того же поколения остался только настоятель из Шаолиня. Увидев, что старый друг смотрит на него с неловкостью, Фан Хуаньтянь наконец поднялся.

— Грех тех лет — дело моих рук, и нести ответственность за него должен только я. Вы не стали презирать меня — я уже благодарен за это. Должность лидера альянса я недостоин занимать. Я знаю, что виновен и смерть меня не искупит, прошу лишь вас, союзники, ради моей дочери, которая не имеет к этой вражде никакого отношения и... и носит дитя, спасите её! — договорив, он со слезами на глазах опустил перед всеми на колени.

Настоятель Дэюань немедленно поднял его:

— К чему это, глава Фан! Даже если бы вы не попросили, я бы повел учеников Шаолиня, чтобы сделать всё возможное для спасения вашей дочери.

Все чувствовали, что в ту ночь они потеряли лицо, поэтому, конечно, жаждали отыграться. Так называемые представители праведных сект не могли не быть высокомерными, они не ставили злодеев ни во что, но, к их досаде, все разом попались в расставленную ловушку.

<http://bllate.org/book/21134/2143996>